

Критика и библиография

Эрки Пеуранен.
Лирика
А. С. Пушкина
1830-х годов.
Поэтика:
темы, мотивы
и жанры
поздней лирики.
Финляндия,
Ювяскюля,
1978.

В книге литературоведа из Финляндии Эрки Пеуранена о лирике А. С. Пушкина 30-х годов с научной обоснованностью и в доступной форме раскрываются глубинные, коренные особенности завершающего этапа творчества поэта.

В образах и мотивах лирики Э. Пеуранен открывает живой мир Пушкина, его философию, эстетику, его чувство взаимосвязи времен и поколений.

Работа финского филолога-русиста, учитывая богатый опыт пушкиноведения, привносит в него ряд новых, оригинальных мыслей, заключений, ассоциаций.

Интерес Э. Пеуранена к поэзии А. С. Пушкина связан с интересом его к русской поэзии вообще, что также является плодотворной основой исследования. «Нехрестоматийное» прочтение Пушкина не исключает объективной точности анализа произведений, выявления ряда аспектов современного звучания их.

Рассматривая круг социальных интересов Пушкина в связи с проблемой историзма, исследователь показывает развитие и собственно исторических мотивов в лирике Пушкина в их комплексном звучании, в цепи взаимосвязанных явлений, в которых поэт открывает и поступательное движение истории, и историческую значимость отдельной личности. Историзм Пушкина предполагает философско-художественное обобщение жизненных явлений и закономерностей в творческом процессе, выступает его мировоззренческой основой.

Анализ стихотворения А. С. Пушкина «К вельможе» показывает, что восхваление бесхитростной, «эпикурейской» жизни вельможи Юсупова имеет иронический смысл. Жанр оды разрушается этой иронией изнутри, превращаясь скорее в пародию.

Рассматривая ряд сложных произведений А. С. Пушкина, Э. Пеуранен удерживается от возможного соблазна облегченных или односторонних трактовок, продолжая тенденцию современного пушкиноведения к синтезу.

В стихотворении «К клеветникам России» А. С. Пушкин, указывает Э. Пеуранен, сочувствуя демократическим устремлениям польских революционеров, не разделял националистических притязаний ни Польши, ни царской России, сотрясаемой цепью событий — «война и мор, и бунт, и внешних бурь напор» («Бородинская годовщина»).

В главе о пейзажной лирике

Э. Пеуранен справедливо отмечает, что понимая природу как часть действительности и стремясь к универсальному осмыслению бытия, Пушкин утверждал нераздельность естественной и социальной жизни человека.

Изображение природы было для Пушкина реализацией художественно-философских представлений о мире в целом. Природа — одна из сфер мироощущения поэта, которое исследователь определяет не вполне исчерпывающе — как «оптимистический фатализм».

Существенны и правомерны суждения Э. Пеуранена о поисках Пушкиным реалистического идеала как критерия эстетической нормы.

«Для Пушкина, открывшего „поэзию действительности“, уже введение этой „действительности“, литературно не оформленной и в традиции не укоренённой, само по себе составляло художественную задачу», — справедливо утверждает автор (с. 90).

Это путь, о котором писал, в частности, академик В. В. Виноградов, считавший, что через многообразие стилистических контекстов Пушкин шёл к единству новых представлений.

«„Нагая простота“ пушкинского пейзажа сопряжена с очень тонким и сложным поэтическим механизмом», — пишет Э. Пеуранен и на ряде конкретных примеров раскрывает этот «механизм».

Анализируя стихотворение «Осень», автор отмечает, что пейзаж осени, ощущение и переживание её «представляются своеобразным итогом, выходом в вечность, в творчество». Это символ зрелости и душевного здоровья. Творческая осень — духовное прибежище Пушкина: «Поэзия, как ангел-утешитель, спасла меня, и я воскрес душой».

Отдельные главы книги Э. Пеуранена посвящены

своеобразие любовной лирики А. С. Пушкина 30-х годов; цикл стихов, выражающих представления поэта о творчестве; своеобразие переводов А. С. Пушкина; эмоционально-смысловым интонациям стихотворений последних лет.

Во всех этих разделах взаимосвязь мировоззренческих, эстетических, биографических, исторических компонентов творчества ведёт исследователя к осмыслению его целостного единства. Такой подход по-новому высветляет величие и трагизм творческой судьбы поэта.

Говоря о любовной лирике Пушкина, автор замечает, что особое звучание придают ей «устойчивые темы и мотивы» — «вечная красота, бескорыстие, смерть и уход (расставание)» (с. 124).

В «Элегии» Пушкин говорит о будущем, и любовь выступает здесь как одна из высших радостей бытия, как одна из жизнеутверждающих сил:

Но не хочу, о други, умирать,
Я жить хочу, чтоб мыслить
и страдать...

.....
И может быть на мой закат
печальный
Блеснет любовь улыбкою
прощальной.

В главе «Переводы и переложения» Э. Пеуранен, не останавливаясь специально на пресловутой проблеме «заимствования», вносит, на наш взгляд, достаточную методологическую ясность в нее, рассматривая небольшой круг собственных переводных произведений Пушкина 30-х годов и выделяя три основные сферы этих переводов (из античных авторов; «Песни западных славян»; переводы из европейской поэзии).

С большой тщательностью прослеживает ученый степень и характер авторизации пушкинских переводов: использо-

вание или варьирование мотивов; более или менее точный смысловой перевод; видоизменение жанра, при котором из фрагмента оригинала создается новое произведение — так, стихотворение «Родрик» является вольным переводом начала поэмы английского поэта Роберта Саути «Родерик, последний из готтов» (1814), в котором многие частные мотивы Пушкина изменены.

Правомерна мысль исследователя о внутренней взаимосвязи пушкинских переводов с основной массой его оригинальных произведений.

В главе «Тема творчества» одно из главных мест занимает рассмотрение конфликта — диалога поэта и «толпы». Анализ мотивов и положений не всегда приводит здесь к разрешению их, что, впрочем, было проблемой и для самого Пушкина.

Исследователь говорит о противопоставлении себя Пушкиным — черни. Однако, понятия «чернь» и «толпа», объясняется не достаточно четко, а именно здесь, на наш взгляд, кроется основа конфликта Пушкина с просвещенной современностью.

Основной пыл полемики Пушкина обращен к тем «реакционным кругам высшего дворянского общества» (Д. Благой), которые преследовали его с позиций «официальной народности». Это от них слышал Пушкин «суд глупца и смех толпы холодной», «рабыни суеты».

В сравнительном анализе пушкинского «Я памятник себе воздвиг...» со стихотворением Г. Державина «Памятник», исследователь отмечает своеобразное соединение временного и вечного. При этом «вечное» перекрывает своим звучанием историческую конкретность, жертвой которой стал поэт.

Не встречая в «просвещенном обществе» достаточного

понимания, поэт конструирует в своем воображении слушателя-друга, ищет его в будущем, «игнорируя порой читателя-современника» (с. 199). В связи с этим Э. Пеуранен упоминает о «кризисе мировоззрения» поэта, нам же представляется, что здесь существеннее «кризис восприятия» его современниками.

В последний период жизни Пушкина усиливается конфликт поэта с современной ему моралью светской и тяготеющей к ней среды. Трудовой народ же, к которому духовно тяготел Пушкин, не мог в эту пору дать ему полного удовлетворения идеалов.

Э. Пеуранен дает научное осмысление последнего периода жизни Пушкина как этапа разрыва поэта с современным ему светским обществом.

В 30-е годы Пушкин не был «с веком наравне», он обогнал свой век, конечная победа оставалась за Пушкиным — и не только ввиду признания его истинных заслуг перед русской и мировой культурой, но и в более конкретном смысле: Пушкин отомстил клеветникам и замалчивателям тем, что разорвал духовные связи с их обществом и жестко обличил его.

Анализ «устойчивых мотивов» поздней лирики А. С. Пушкина подсказывает одну из итоговых формул исследования — «прощание поэта с будущим». И действительно, мотив прощания в поздней лирике Пушкина обращен во многом к людям будущего, которые (поэт искренне верил в это) смогут его понять и оценить вполне.

Ю. Анипкин